



## ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП

**ИВАННИКОВ В.А.\***, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,  
e-mail: vaiv@mail.ru

**ШЛЯПНИКОВ В.Н.\*\***, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия,  
e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

В статье приводятся результаты кросскультурного исследования особенностей волевой регуляции у представителей 11 этнокультурных групп, проживающих на территории РФ и бывшего СССР. Проведено сравнение представителей армянского, башкирского, белорусского, еврейского, марийского, осетинского, русского, таджикского, татарского, украинского народов, а также народа коми. Всего в исследовании приняли участие 1156 человек. Выборки были сбалансированы по полу, возрасту и другим социально-демографическим характеристикам. Для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции у респондентов использовались: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении», формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо—Рубинштейн. Показано наличие значимых различий между группами по всем измеренным показателям ( $p < 0,001$ ). По методике «Шкала контроля за действием» наибольшие показатели наблюдаются у евреев, татар и таджиков, а наименьшие — у русских, марийцев, коми и армян. По выраженности самоконтроля наибольшие показатели у коми, таджиков и белорусов, а наименьшие — у русских, башкир и армян. Уровень волевой самооценки выше у татар, башкир, осетин, таджиков и коми, а ниже — у русских и евреев. Полученные результаты подтверждают гипотезу о наличии различий в показателях волевой регуляции у представителей разных этнических групп, что соответствует представлениям о воле как о высшей психической функции, имеющей социальную природу и определяющейся, в первую очередь, характером социальных отношений, связывающих личность с окружающим миром.

**Ключевые слова:** воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, кросскультурный подход, этнос.

В последние десятилетия неуклонно растет количество исследований, посвященных изучению волевой регуляции, результаты которых свидетельствуют о существенном вкладе воли в успешность различных видов деятельности: учебной, профессиональной, спортивной, здоровьесберегающей, потребительской и т. д. (Батыршина, Мазиллов, 2016;

### Для цитаты:

Иванников В.А., Шляпников В.Н. Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 70—84. doi:10.17759/exppsy.2019120106

\* **Иванников Вячеслав Андреевич**, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности факультета психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: vaiv@mail.ru

\*\* **Шляпников Владимир Николаевич**, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия. E-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com



Шляпников, 2009). Тем не менее, вопрос о механизмах волевой регуляции в психологической науке до сих пор остается дискуссионным (Иванников и др., 2014).

В современной зарубежной психологии понятие воли используется в контексте проблемы психической регуляции сложных форм целенаправленного поведения человека. В общем, воля понимается как результат взаимодействия различных психофизиологических процессов и систем, интегральным субъектом которых выступает личность. В связи с этим в зарубежной психологии основное внимание уделяется исследованию конкретных психофизиологических механизмов волевой регуляции, тогда как роль социокультурных факторов, хотя и признается, но остается малоизученной областью (Хекхаузен, 2003; Baumann et al., 2018; Baumeister et al. 2016; Kielhofner, 2002; Mischel et al., 2011).

В отечественной психологии, напротив, в рамках культурно-исторического и деятельностно-смыслового подходов в психологии сложилось представление о воле как о высшей психической функции, имеющей социальную природу и определяющейся, в первую очередь, характером социальных отношений связывающих человека как личность с окружающим его миром (Выготский, 2000; Божович, 2001; Леонтьев, 2000). В рамках этой парадигмы мы предлагаем рассматривать волю как одну из «... форм (способов) произвольной регуляции, которая состоит в овладении человеком собственным поведением и психическими процессами для решения задач, которые личность принимает как свои собственные в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками» (Иванников, Шляпников, 2012, с. 113).

Важным направлением изучения генезиса и строения высших психических функций в рамках культурно-исторической психологии стал кросс-культурный подход. Данная исследовательская парадигма была реализована в работах Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, М. Коула и др. Вместе с этим большинство этих исследований ограничиваются изучением когнитивных процессов и структур, мотивационные и аффективные процессы в рамках кросс-культурного подхода изучаются значительно реже, а исследований волевой регуляции в рамках данного подхода проводится крайне мало. Тем не менее, результаты кросс-культурных исследований свидетельствуют о социокультурной обусловленности многих феноменов, так или иначе связанных с волевой регуляцией: локуса контроля, Я-концепции, ценностей, интересов и т. д. (Мацумото, 2003).

Источником развития волевой регуляции как высшей психической функции служит культура, в том числе национальная, как определенный общественно-исторический образ жизни, предлагающий человеку набор традиционных видов деятельности, ценностей, средств и способов для их реализации, которые субъект присваивает и преобразует в процессе своего жизненного пути в соответствии со своим уникальным смысловым опытом (Асмолов, 2001; Иванников, Шляпников, 2012). В связи с этим исследование кросскультурных особенностей воли может раскрыть роль социокультурных, в том числе этнокультурных факторов (в первую очередь, средств регуляции поведения социальной общности и отдельных его членов) в формировании волевой регуляции субъекта. В частности, результаты сравнительного исследования показателей волевой регуляции русских, проживающих в Москве, и коми-зырян, проживающих в Сыктывкаре, свидетельствуют о взаимосвязи этнокультурных особенностей воли с традиционным образом жизни народа (традиционными видами деятельности и способами социализации подрастающего поколения, типом расселения и климатическими условиями, вероисповеданием, особенностями этнической идентичности и т. д.) (Шляпников, Авдеева, 2018).



Поскольку дефицит информации по проблеме исследования не позволяет сформулировать точные исследовательские гипотезы и определить контекстные переменные, исследование носило поисковый характер. В связи с этим **цель** данной работы состояла в расширении географии пилотного исследования, уточнении контекстных переменных для дальнейших исследований и проверке **гипотезы** о наличии различий в показателях волевой регуляции у представителей различных этносов, проживающих на территории РФ и бывшего СССР.

### Программа исследования

**Описание выборки.** С целью проверки выдвинутой нами гипотезы было обследовано 11 этнокультурных групп, проживающих на территории РФ и бывшего СССР.

Подбор этнических групп осуществлялся по принципу максимальной вариативности переменных, связанных с традиционным образом жизни. С этой целью использовалась этнолингвистическая классификация народов, отражающая как историю этноса, так и особенности национального сознания (Крысько, 2008). Были исследованы народы следующих языковых групп: восточнославянская (русские, украинцы и белорусы), тюркская (татары и башкиры), фино-угорская (коми и марийцы), иранская (таджики и осетины), армянская (армяне), семитская (евреи).

Основным критерием отбора респондентов являлось наличие выраженной положительной этнической идентичности, которая определялась в предварительной беседе, и свободное владение русским языком. Все группы, за исключением белорусов и таджиков, были уравнены по полу и возрасту и состояли из студентов, проживающих в крупных городах в местах исконного поселения этноса (за исключением армян и евреев).

*Русские* – студенты московских вузов – 50 девушек и 50 юношей в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст – 22,05), все холостые или незамужние.

*Евреи* – студенты московских вузов – 52 девушек и 47 юношей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 21,9), все холостые или незамужние.

*Армяне* – студенты московских вузов – 76 девушек и 76 юношей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 22,1), все холостые или незамужние.

*Татары* – студенты вузов г. Уфа – 56 девушек и 45 юношей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 22,2), все холостые или незамужние.

*Башкиры* – студенты вузов г. Уфа – 57 девушек и 43 юношей в возрасте от 18 до 26 лет (средний возраст – 22,4), все холостые или незамужние.

*Марийцы* – студенты вузов г. Йошкар-Ола – 56 девушек и 44 юношей в возрасте от 18 до 28 лет (средний возраст – 23,5), все холостые или незамужние.

*Осетины* – студенты вузов г. Владикавказ – 48 девушек и 54 юношей в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст – 21,1), все холостые или незамужние.

*Украинцы* – студенты вузов г. Полтава – 51 девушек и 52 юношей в возрасте от 17 до 21 лет (средний возраст – 20,1), все холостые или незамужние.

*Белорусы* – слушатели курсов повышения квалификации для работников образования г. Минск – 51 женщина и 49 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет (средний возраст – 32,5), 90% имеют высшее образование, 95% состоят в браке.

*Таджики* – легальные трудовые мигранты из Таджикистана, временно проживающие на территории г. Москвы – 19 женщина и 77 мужчин в возрасте от 18 до 40 лет (средний возраст – 29,5), 90% имеют среднее образование, 95% состоят в браке.



*Коми-зыряне* — студенты вузов и молодые специалисты г. Сыктывкар — 50 девушек и 50 юношей в возрасте от 20 до 24 лет (средний возраст — 21,5), все холостые или незамужние<sup>1</sup>.

Всего в исследовании приняли участие 1156 человек.

**Методы исследования.** Для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции респондентов нами использовались следующие методики: субшкала «Контроль за действием при планировании» из опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997); «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева и С.В. Фирсова) (Ильин, 2003), формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо—Рубинштейн в адаптации В.А. Иванникова, Е.В. Эйдмана (1990). Также использовался опросник, который содержал вопросы, касающиеся ряда демографических характеристик респондентов (пол, возраст, образование, семейное положение).

**Процедура.** Опросные листы раздавались респондентам и заполнялись в индивидуальном порядке в присутствии исследователя. Участие в исследовании носило добровольный и безвозмездный характер. Основным критерием отбора для участия в исследовании было наличие у респондентов выраженной позитивной этнической идентичности, что выявлялось в ходе предварительной беседы.

### Результаты исследования

Для проверки наличия различий между группами использовался непараметрической тест Крускала—Уоллиса. Результаты этого анализа приведены в табл. 1. Для статистической обработки данных использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics v.23.

**Шкала контроля за действием.** Как видно из табл. 1, были обнаружены значимые различия между группами по показателям теста «Шкала контроля за действием» Ю. Куля ( $p < 0,001$ ).

Результаты попарного сравнения (тест Манна—Уитни) показывают, что этносы, принадлежащие одной языковой группе (восточнославянской — русские, украинцы и белорусы; тюркской — татары и башкиры; фино-угорской — коми и марийцы; иранской — таджики и осетины), значимо не различаются по показателям «Шкалы контроля за действием». Вместе с этим значимые различия наблюдаются между русскими, марийцами, коми и армянами (наиболее низкие значения), с одной стороны, и татарами, евреями и таджиками — с другой (наиболее высокие значения) (рис. 1).

Чем могут быть обусловлены обнаруженные различия? Относительно однородный состав групп позволяет нам исключить влияние таких демографических и социально-экономических факторов, как пол и возраст респондентов, семейное положение, род занятий и т. д. По-видимому, место текущего проживания также не вносит существенного вклада в обнаруженные закономерности. Четыре исследованных нами группы — жители Москвы, но у русских и армян наблюдаются наиболее низкие показатели контроля за действием, а у евреев и таджиков — наиболее высокие. Вместе с этим в группах, исторически связанных с европейской православной цивилизацией, наблюдаются наиболее низкие показатели по методике «Шкала контроля за действием», а в группах, исторически связанных с монгольской цивилизацией и исламом (за исключением евреев), — наиболее высокие.

<sup>1</sup> Сбор и анализ данных по особенностям волевой регуляции у представителей коми выполнен в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 17-78-20226).



На наш взгляд, характер распределения групп по показателям «Шкалы контроля за действием» позволяет высказать предположение, что обнаруженные нами закономерности могут быть обусловлены социальными, в частности, этнокультурными факторами (историческими, языковыми, конфессиональными). К сожалению, в настоящий момент наука не располагает данными, которые позволили бы более точно определить культурные факторы, влияющие на формирование волевой регуляции. Получение такого рода данных и разработка точных методов оценки культурных предпосылок формирования волевого поведения составляет предмет наших дальнейших исследований.

**Самоконтроль.** Как видно из табл. 1, были обнаружены значимые различия между группами по всем трем субшкалам «Вопросника для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении»: эмоциональный ( $p < 0,001$ ), поведенческий ( $p < 0,001$ ) и социальный самоконтроль ( $p < 0,001$ ).

Таблица 1

**Сравнение среднегрупповых значений показателей волевой регуляции в различных этнических группах (непараметрический тест Крускала—Уоллиса)**

Группы	Статистики	ШКД	ЭСК	ПСК	ССК	СБВК
Русские (n=100)	M	4,90	12,20	15,90	15,00	72,40
	SD	2,70	3,00	4,10	3,50	8,40
Евреи (n=99)	M	6,40	12,70	15,20	15,80	71,90
	SD	3,00	3,20	3,60	3,70	4,60
Армяне (n=152)	M	5,50	12,50	15,60	16,50	75,20
	SD	2,30	3,20	3,90	3,50	12,50
Татары (n=101)	M	6,30	12,80	16,30	16,10	79,00
	SD	2,90	3,40	4,10	3,60	12,60
Башкиры (n=100)	M	6,00	11,50	15,30	14,50	77,40
	SD	2,80	3,10	3,90	3,60	11,80
Марийцы (n=99)	M	5,30	12,70	14,90	15,60	74,20
	SD	2,50	3,00	4,00	3,40	11,30
Осетины (n=102)	M	5,80	12,50	17,20	16,90	77,20
	SD	2,70	3,10	3,30	3,40	11,70
Таджики (n=104)	M	7,20	13,90	18,00	17,40	78,60
	SD	3,10	3,30	4,50	4,20	10,10
Украинцы (n=103)	M	6,10	13,00	16,70	17,30	76,10
	SD	3,00	3,20	3,80	3,70	11,50
Белорусы (n=96)	M	5,90	14,30	19,00	19,10	76,60
	SD	3,00	3,20	3,70	4,30	11,40
Коми (n=100)	M	5,63	13,02	17,05	16,70	77,70
	SD	2,74	3,36	3,92	3,81	9,98
Тест Крускала—Уоллиса	$\chi^2$	53,75	77,29	153,64	197,80	84,61
	df	9,00	9,00	9,00	9,00	9,00
	p	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

*Примечание:* ШКД — «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; ЭСК — эмоциональный самоконтроль; ПСК — поведенческий самоконтроль; ССК — социальный самоконтроль; СБВК — суммарный балл волевых качеств; M — среднее, SD — стандартное отклонение).

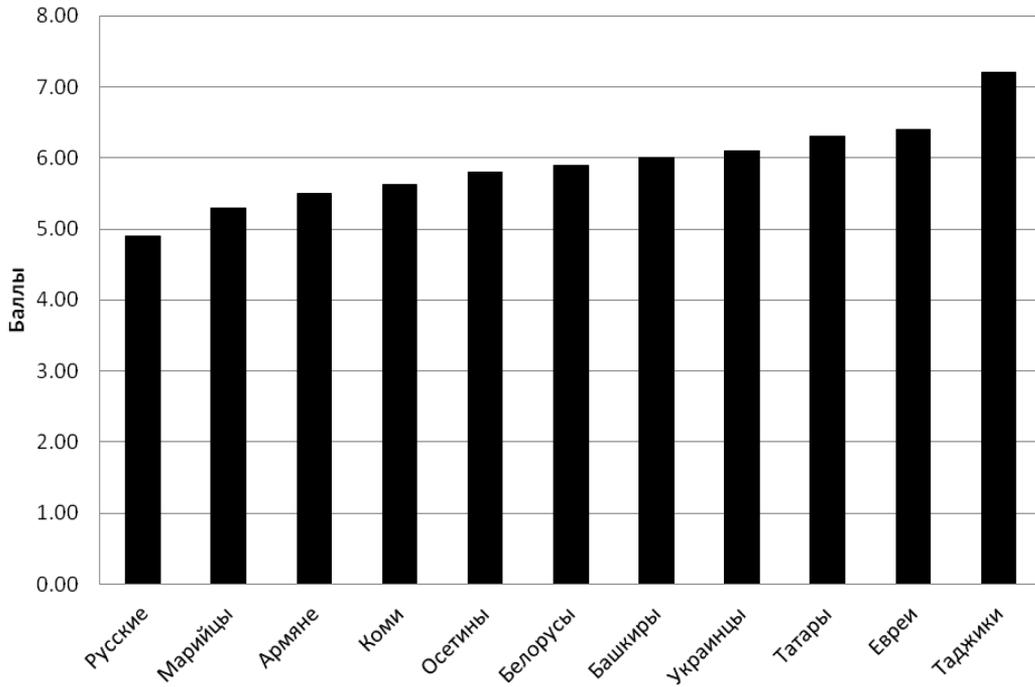


Рис. 1. Среднегрупповые значения показателей методики «Шкала контроля за действием» в сравниваемых группах

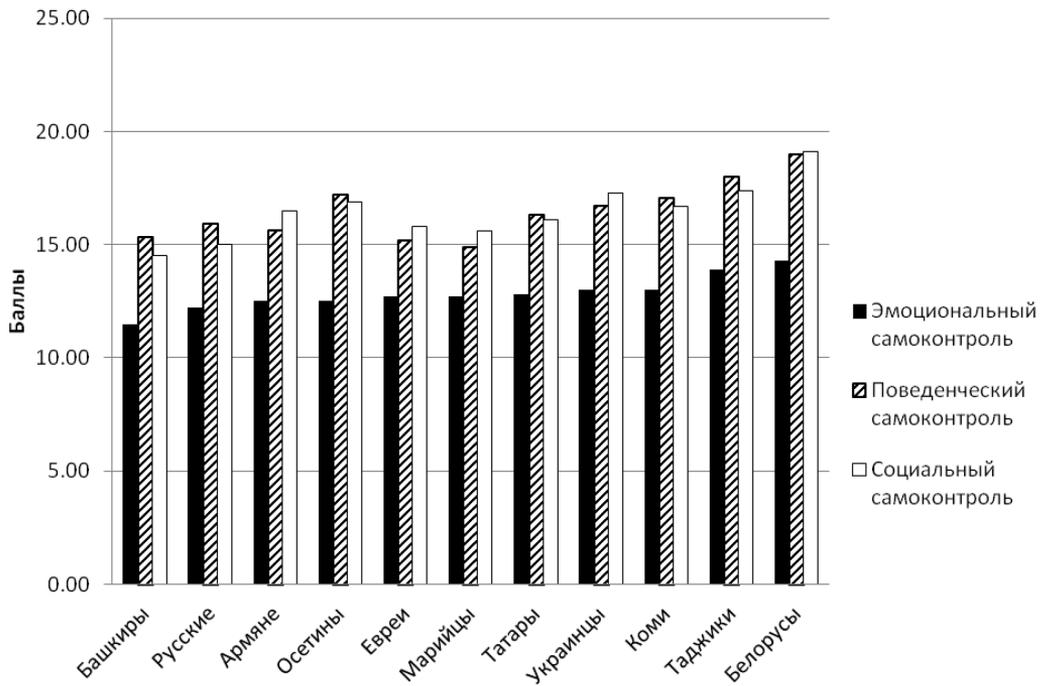


Рис. 2. Среднегрупповые значения показателей «Вопросника для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в сравниваемых группах



Результаты анализа, представленные на диаграмме (рис. 2) свидетельствуют о том, что наименьшие значения склонности к *эмоциональному самоконтролю* наблюдаются в группах башкир, русских, армян и осетин. Далее следуют евреи, марийцы и татары. Наибольшие значения по этому показателю наблюдаются в группах украинцев, белорусов и таджиков. По склонности к *поведенческому самоконтролю* наименьшие значения наблюдаются в группе евреев, башкир, армян и марийцев. Далее следуют русские, татары, украинцы и осетины. Наибольшие значения по этому показателю наблюдаются в группах белорусов и таджиков. По склонности к *социальному самоконтролю* наименьшие значения наблюдаются в группе башкир, русских, евреев и марийцев. Далее следуют армяне, татары и осетины. Наибольшие значения по этому показателю наблюдаются в группах украинцев, белорусов и таджиков.

Результаты, полученные по данной методике, частично совпадают с показателями «Шкалы контроля за действием». Вместе с этим, в группе евреев, татар и башкир наблюдается относительно невысокая склонность к самоконтролю, хотя у представителей данных групп преобладает тип волевой регуляции, охарактеризованный Ю. Кулем как более эффективный (Kuhl, 1996). У марийцев, коми и белорусов мы наблюдаем обратную картину. Можно предположить, что это расхождение связано с тем, что данные методики направлены на измерение различных звеньев волевой регуляции. Показатели по «Шкале контроля за действием» в первую очередь относятся к оценке исполнительных действий, непосредственно связанных с регуляцией деятельности на уровне сформированных намерений и операциональных установок. «Вопросник выраженности самоконтроля...» в свою очередь в большей степени относится к измерению параметров мотивации, отвечающей за регуляцию деятельности на уровне сознательных целей и социальных установок. В первом случае речь идет об устоявшемся, в том числе культурном, способе реализации намерения в действии, во втором — о сознательной и преднамеренной регуляции своей деятельности в соответствии с требованиями общества (Шляпников, 2009).

Мы полагаем, что склонность к самоконтролю в большей степени определяется конкретными условиями жизни, предъявляющими определенные требования к волевой регуляции субъекта. Наиболее низкий уровень самоконтроля наблюдается в группах, проживающих в относительно благополучных регионах с хорошими условиями для жизни, не требующими значительной волевой мобилизации. Наиболее высокие показатели самоконтроля, напротив, наблюдаются у лиц, проживающих в непростых условиях, требующих значительной волевой мобилизации, например, в условиях крайнего севера (коми) или трудовой миграции (таджики).

Таким образом, обнаруженные различия также подтверждают гипотезу о наличии различий в уровне самоконтроля между сравниваемыми этническими группами, а также позволяют выдвинуть предположение о различном влиянии социального контекста на развитие и функционирование различных компонентов волевой регуляции.

**Волевая самооценка.** Подробно результаты сравнения групп, а также описательные статистики сравниваемых показателей приведены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, были обнаружены значимые различия между группами по всем волевым качествам, а также по среднему баллу волевой самооценки ( $p < 0,001$ ). Эти различия носят как количественный (уровень самооценки), так и качественный характер (форма профиля самооценки). Наименьшие значения показателей самооценки обнаруживаются у русских и евреев; средние значения — у армян, марийцев, украинцев и белорусов; наиболее высокие значения — у татар, башкир, осетин, таджиков и коми.



Таблица 2

**Сравнение среднегрупповых значений показателей волевой самооценки в различных этнических группах (непараметрический тест Крускала–Уоллиса)**

Волевые качества		Русские	Евреи	Армяне	Татары	Башкиры	Марийцы	Осетины	Таджики	Украинцы	Белорусы	Коми	Тест Крускала–Уоллиса
Ответственный	M	4,1	3,4	4,2	4,2	4,1	3,9	4,1	4,0	4,0	4,3	4,2	216,22**
	SD	0,8	0,6	1,0	0,8	1,0	0,9	1,1	0,7	0,8	0,9	0,9	
Дисциплинированный	M	3,8	3,8	4,0	3,9	4,0	3,8	3,9	4,0	4,1	4,2	4,1	41,56**
	SD	0,7	0,8	1,0	0,9	0,9	0,8	1,0	0,7	0,9	0,9	0,8	
Целеустремленный	M	3,9	3,6	3,9	4,2	4,1	4,0	4,0	4,0	3,9	3,9	4,1	79,72**
	SD	0,9	0,7	1,0	0,7	0,9	0,8	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	
Принципиальный	M	3,8	3,4	3,8	4,0	4,2	3,8	4,1	3,7	3,7	3,8	3,9	90,6**
	SD	0,9	0,7	1,1	0,9	1,0	1,0	1,1	0,8	1,0	0,9	0,9	
Обязательный	M	3,8	3,7	3,9	4,0	3,9	3,8	3,9	3,8	3,6	4,1	4,0	61,88**
	SD	0,9	0,8	1,0	1,0	1,1	0,9	0,9	0,8	0,9	0,9	0,9	
Настойчивый	M	3,4	3,5	3,6	3,9	3,9	3,8	3,8	3,8	3,7	3,7	3,8	78,44
	SD	1,0	0,7	1,1	1,0	1,1	1,0	1,1	1,0	1,0	0,9	0,9	
Решительный	M	3,6	3,7	3,6	4,0	3,8	3,6	3,8	3,8	3,5	3,5	3,8	101,01**
	SD	1,0	0,7	1,1	0,9	1,1	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	
Волевой	M	3,4	3,7	3,7	3,8	3,7	3,6	3,9	3,7	3,8	3,7	3,8	57,37**
	SD	1,0	0,8	1,1	1,1	1,1	1,1	1,0	0,9	0,9	0,9	1,0	
Инициативный	M	3,4	3,6	3,7	4,0	3,9	3,6	3,6	3,5	3,5	3,7	3,7	78,68**
	SD	1,0	0,8	1,2	0,9	1,1	1,0	1,0	0,9	1,1	1,0	1,0	
Выдержанный	M	3,5	3,7	3,6	3,8	3,6	3,7	3,7	4,0	3,8	3,9	3,8	56,09**
	SD	1,1	0,9	1,2	0,8	1,1	0,9	1,2	0,9	1,0	0,9	0,9	
Самостоятельный	M	3,9	3,6	4,0	4,3	4,1	3,9	4,1	4,2	4,2	4,3	4,2	171,98**
	SD	1,0	0,9	1,1	0,8	1,0	0,9	1,0	0,9	0,9	0,8	0,9	
Энергичный	M	3,8	3,6	3,9	4,1	3,9	3,9	4,0	4,0	4,1	3,9	4,1	51,04**
	SD	1,0	0,5	1,1	0,9	1,1	1,0	1,1	0,9	0,9	1,0	1,0	
Терпеливый	M	3,5	3,6	3,6	4,0	3,7	3,7	3,6	4,4	4,0	3,9	3,9	57,24**
	SD	1,1	0,7	1,3	1,0	1,2	1,0	1,3	0,7	1,1	1,0	1,0	
Упорный	M	3,6	3,6	3,8	4,0	3,8	3,8	3,8	4,1	3,6	3,8	4,1	73,63**
	SD	1,0	0,8	1,0	0,9	0,9	0,9	1,0	0,8	0,9	0,9	0,8	
Смелый	M	3,6	3,5	3,6	3,7	3,7	3,5	3,8	4,1	3,7	3,5	3,7	96,15**
	SD	1,0	0,5	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	0,8	1,0	0,9	1,0	
Спокойный	M	3,3	3,5	3,5	3,5	3,4	3,3	3,7	4,1	4,0	3,7	3,7	77,46**
	SD	1,1	0,6	1,1	1,3	1,3	1,1	1,2	0,9	1,1	1,0	1,2	



Волевые качества		Русские	Евреи	Армяне	Татары	Башкиры	Марийцы	Осетины	Таджики	Украинцы	Белорусы	Коми	Тест Курскала – Уоллиса
Деловитый	М	3,4	3,6	3,6	3,7	3,6	3,6	3,6	3,6	3,4	3,5	3,6	33,22**
	SD	0,9	0,7	1,1	1,0	1,3	1,0	1,0	0,9	0,9	1,0	0,9	
Уверенный	М	3,5	3,6	3,7	4,1	4,1	3,6	3,8	4,0	3,7	3,6	3,8	106,28**
	SD	0,9	0,7	1,1	0,9	0,7	1,0	1,0	0,9	0,9	1,0	0,9	
Организованный	М	3,6	3,6	3,8	3,9	3,9	3,7	3,9	3,9	3,9	3,8	3,9	37,61**
	SD	1,0	0,9	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	0,7	0,9	1,0	0,9	
Внимательный	М	3,5	3,6	3,8	3,9	4,0	3,5	4,0	3,9	4,0	4,0	3,9	87,23**
	SD	1,0	0,6	1,1	1,0	0,8	1,0	1,0	0,9	0,9	1,0	1,0	

Примечание: «\*» –  $p=0,05$ ; «\*\*» –  $p=0,01$ .

Результаты анализа показателей самооценки волевых качеств свидетельствуют о соответствии их общего профиля показателям других методик. Вместе с этим имеются и расхождения. В некоторых группах с высокими показателями по «Шкале контроля за действием» наблюдается низкий уровень самооценки (евреи, татары), и, наоборот, в некоторых группах с низкими показателями по «Шкале контроля за действием» – высокий уровень самооценки (коми, осетины). Расхождение между показателями волевой самооценки и методики «Шкала контроля за действием» может быть связано с тем, что данные методики направлены на измерение различных звеньев волевой регуляции. Как уже отмечалось выше, методика Ю. Куля в большей степени оценивает исполнительское звено волевой регуляции, а самооценки – оценочное (Шляпников, 2009). Мы полагаем, что волевая самооценка отражает представления человека и группы о том, *что он должен сделать, каким он должен быть*, а показатели «Шкалы контроля за действием» – *каким образом он должен это сделать*.

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу об этнокультурной обусловленности волевой самооценки. Были обнаружены как количественные, так и качественные особенности самооценки волевых качеств в сравниваемых группах.

### Общее обсуждение

Полученные результаты позволяют объединить исследованные этносы в группы на основе сходства показателей волевой регуляции. Рассмотрим их подробнее.

**Русские, марийцы, коми.** Представители этих групп демонстрируют сходство по методике «Шкала контроля за действием», а также по профилю волевой самооценки. «Пики» наблюдаются по качествам: ответственный, целеустремленный, самостоятельный, – а «провалы» – по качествам: спокойный, деловитый, настойчивый, волевой и инициативный. Обнаруженное сходство можно объяснить общей исторической судьбой этих народов, на протяжении многих веков проживающих бок о бок на одной территории и ведущих похожий образ жизни. Вместе с этим у представителей марийцев и, в большей степени, коми мы наблюдаем более высокие показатели уровня самоконтроля, а также самооценок волевых качеств. Можно предположить, что эта особенность связана с различиями в условиях жизни в регионах, предъявляющих разные требования к волевой регуляции. Русские были опрошены в Москве, одном



из наиболее благополучных в социальном и экономическом плане регионов РФ, а коми — в Сыктывкаре, в условиях, приравненных к крайнему северу. Необходимость в волевой мобилизации личности в последнем случае будет выше, чем в первом (Шляпников, Авдеева, 2018).

**Татары, башкиры.** Профиль волевой самооценки у представителей данных этносов во многом схож с представителями предыдущей группы (русские, коми, марийцы). «Пики» наблюдаются по качествам: ответственный, целеустремленный, самостоятельный, уверенный, — а «провалы» — по качествам: спокойный, деловитый, смелый. Данную закономерность можно объяснить сходным образом жизни, как традиционным, так и современным, характерным для данных народов. Вместе с этим у татар и башкир мы наблюдаем более высокие показатели по методике «Шкала контроля за действием» и уровню волевой самооценки; полученные результаты согласуются с данными других авторов, отмечающих более выраженное трудолюбие, настойчивость, дисциплинированность, исполнительность и ответственность у народов тюркской группы (Крысько, 2008). Исследования показывают, что, по сравнению с русскими, у татар и башкир в большей степени выражено чувство национального самосознания и национальной гордости и, как следствие, они демонстрируют большую приверженность традиционной культуре и образу жизни (Крысько, 2008). Приверженность традиционному образу жизни и системе ценностей снижает уровень неопределенности в жизни субъекта и «снимает» нагрузку с волевой регуляции, тогда как отказ от традиционной культуры в большинстве случаев приводит, согласно Э. Фромму, к состоянию «паралича воли», который мы можем наблюдать у русских (Фромм, 2000).

Основное различие между татарами и башкирами состоит в показателях склонности к самоконтролю и волевой самооценки — в группе татар эти показатели выше. Такие результаты согласуются с данными других исследований, в которых показано, что татары демонстрируют большую выдержку или дисциплинированность по сравнению с башкирами (Крысько, 2008).

**Украинцы, белорусы.** Представители этих групп демонстрируют сходство по методике «Шкала контроля за действием», по показателям которой они занимают промежуточное положение между русскими, коми, марийцами, с одной стороны, и татарами и башкирами — с другой. Также у данных групп наблюдается сходный профиль волевой самооценки с «пиками» по качествам: самостоятельный, дисциплинированный, энергичный, ответственный, обязательный, — и «провалами» по качествам: деловитый, инициативный, решительный, смелый и уверенный. Сходство этих групп не вызывает удивления: это два славянских народа, имеющих сходную историю, религию, географическое положение. Основное отличие белорусов от украинцев — более высокие показатели волевой самооценки и склонности к самоконтролю, что может быть связано с возрастными особенностями данной выборки (принявшие участие в исследовании белорусы были в среднем старше украинцев).

**Армяне, евреи.** Данную группу объединяют сходные условия проживания. В обоих случаях исследовались представители московских диаспор, в течение нескольких поколений проживающих в Москве. Несмотря на это, группы достаточно сильно отличаются друг от друга. По показателям методики «Шкала контроля за действием», «Выраженность самоконтроля...», уровню и профилю волевой самооценки армяне схожи с русскими, коми и марийцами. Вместе с этим у евреев наблюдается картина, которая существенно отличается от любой другой группы. С одной стороны, они демонстрируют высокие показатели по методике «Шкала контроля за действием», с другой — низкие показатели по уровню волевой самооценки и показателям методики «Выраженность самоконтроля...». Профиль волевых качеств



у евреев также отличается от представителей других групп. В целом, он имеет более сглаженную форму. По сравнению с другими группами, «пики» и «провалы» здесь выражены меньше. «Пики» наблюдаются по качествам: дисциплинированный, обязательный, решительный, волевой, выдержанный, — а «провалы» — по качествам ответственный и принципиальный.

Наличие столь существенных различий между этническими группами со сходными условиями жизни позволяет предполагать, что они в большей степени обусловлены факторами, связанными с особенностями традиционного образа жизни народов, в частности, с конфессиональной принадлежностью. История и культура еврейского народа тесно связана с иудаизмом, национальной религией большинства верующих евреев. Большинство верующих армян принадлежат одной из древнейших христианских церквей — Армянской Апостольской Церкви, также оказавшей большое влияние на историю и культурное своеобразие армянского народа. Сравнивая эти две конфессии, можно отметить, что в иудаизме основные сферы жизни религиозной общины и ее членов в большей степени, чем в христианстве, регламентированы «законом». Основные положения Танаха и Талмуда имеют достаточно однозначную интерпретацию, тогда как евангельские притчи допускают множество истолкований. В частности, Талмуд однозначно разделяет действия на чистые и нечистые, а в христианстве такое разделение отсутствует (Всемирное писание..., 1995). «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною», — пишет Ап. Павел (1 Кор. 6:12).

В связи с этим можно предположить, что более определенная регламентация жизни, исходящая от национальной культуры, ориентирует ее представителей на действие, а менее определенная — на состояние. Безусловно, это утверждение нуждается в дальнейшей проверке, но оно вполне согласуется с результатами исследований Х. Хекхаузена и его коллег, показавших, что наличие внешней регламентации деятельности значительно упрощает процесс реализации намерения в действии (Хекхаузен, 2003).

**Осетины.** Представители данной группы демонстрируют достаточно своеобразный характер соотношения различных волевых качеств. У них наблюдается сравнительно высокий уровень волевой самооценки на фоне невысоких показателей по методикам «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль) и «Выраженность самоконтроля...». Профиль волевой самооценки в группе осетин больше всего и по форме, и по уровню показателей похож на профиль в группе башкир. В данной группе «пики» наблюдаются по качествам: ответственный, целеустремленный, самостоятельный, уверенный, принципиальный, а также по качеству энергичный. «Провалы» наблюдаются по качествам: спокойный, деловитый, инициативный, выдержанный. Вероятно, расхождение между показателями контроля за действием и степени выраженности самоконтроля и волевой самооценкой можно объяснить большей ценностью волевых качеств для этого народа. Исследования показывают, что в осетинской культуре высоко ценятся такие качества, как активность, самостоятельность, настойчивость, целеустремленность, упорство, а также представители данной культуры отличаются большей эмоциональностью и выраженным стремлением к самовыражению и самопрезентации (Тменов, Беспалова, Гоноволев, 2000).

**Таджики.** В группе таджиков наблюдаются наиболее высокие значения по всем измеренным показателям. Профиль волевой самооценки в этой группе также отличается своеобразием. Основные «пики» наблюдаются по таким качествам, как терпеливый, самостоятельный, упорный, спокойный, смелый. Основные «провалы» в данной группе наблюдаются по таким качествам, как инициативный и деловитый. С одной стороны, эти результаты могут быть обусловлены культурным своеобразием народа. Исследователями отмечается, что таджикам присущи такие качества, как трудолюбие, настойчивость, исполнительность,



целеустремленность (Крысько, 2008). С другой стороны, представители данной группы — трудовые мигранты, находятся в специфической жизненной ситуации, которая может быть причиной мобилизации личности. Полученные в настоящей работе данные по этой выборке согласуются с результатами других исследований (Шляпников, 2007).

Безусловно, представленный анализ — это только первая попытка определения роли национальной культуры в формировании волевой регуляции. Каждый этнос обладает уникальной исторической судьбой и культурным своеобразием, подробный анализ которых выходит за пределы объема одной статьи. Тем не менее обнаруженные закономерности позволяют лучше понять значение социокультурных, в том числе этнокультурных, факторов в формировании волевой регуляции и волевых качеств личности.

### **Заключение**

В целом, полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. По методике «Шкала контроля за действием» наибольшие показатели наблюдаются у евреев, татар и таджиков, а наименьшие — у русских, марийцев, коми и армян. По выраженности самоконтроля наибольшие показатели — у коми, таджиков и белорусов, а наименьшие — у русских, башкир и армян. Уровень волевой самооценки выше у татар, башкир, осетин, таджиков и коми, а ниже — у русских и евреев.

Полученные по разным методикам показатели согласуются между собой. Вместе с этим существует ряд исключений, которые позволяют предположить, что этнокультурный контекст по-разному влияет на различные компоненты волевой регуляции. Устойчивые способы волевой регуляции, в частности, реализации намерений в действии, в большей степени определяются характеристиками национальной культуры; склонность к самоконтролю — актуальными условиями жизни субъекта и этнической группы; волевая самооценка — культурными образцами и эталонами поведения, продиктованными как актуальной жизненной ситуацией, так и традиционным образом жизни народа.

На основании полученных результатов были выделены группы со сходными показателями волевой регуляции: высокие показатели по «Шкале контроля за действием» и высокая самооценка волевых качеств (таджики, татары, башкиры); высокие показатели по «Шкале контроля за действием» и низкая самооценка волевых качеств (евреи); низкие показатели по «Шкале контроля за действием» и низкая самооценка волевых качеств (русские, марийцы, коми, армяне); низкие показатели по «Шкале контроля за действием» и высокая самооценка волевых качеств (осетины); средние показатели по «Шкале контроля за действием» и высокая самооценка волевых качеств (украинцы, белорусы).

Таким образом, полученные нами результаты подтверждают предположение о социокультурной природе волевой регуляции и демонстрируют разноплановое влияние культуры на формирование волевого поведения и волевых качеств личности. Среди факторов, влияющих на показатели волевой регуляции, можно выделить: историю этноса, приверженность традиционному образу жизни и видам деятельности, вероисповедание, а также условия жизни на современном этапе развития народа. Уточнение характера этого влияния составляет предмет дальнейших исследований.

---

#### *Финансирование*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-01108.



## Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 414 с.
2. Батыршина А.Р., Мазилев В.А. Наукометрический подход к исследованию проблемы воли в отечественной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 193–204.
3. Божович Л.И. Развитие воли в онтогенезе // Проблемы формирования личности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. С. 302–332.
4. Всемирное писание: сравнительная антология священных текстов / Под общ. ред. проф. П.С. Гуревича. М.: Республика, 1995. 591 с.
5. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 512–755.
6. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
7. Иванников В.А., Шляпников В.Н. Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 111–121.
8. Иванников В.А., Эйдман Е.В. Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39–49.
9. Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000. 288 с.
10. Крысько В.Г. Этническая психология. 4-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 320 с.
11. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
12. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Питер, 2003. 718 с.
13. Тменов В.Х., Беспалова Е.Б., Гоноболев Е.Н. Религиозные воззрения осетин (история религии — в истории народа). Владикавказ, 2000. 503 с.
14. Фромм Э. Ради любви к жизни. М.: АСТ. 2000. 400 с.
15. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Смысл. 2003. 860 с.
16. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. 140 с.
17. Шляпников В.Н. Волевая сфера личности в процессе адаптации к инокультурной среде // Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития. Сборник тезисов научно-практической конференции (16–17.03.2007) // Ред. О.Е. Хухлаев, Т.Э. Руссита, М., 2007. С. 28.
18. Шляпников В.Н. Исследования волевой регуляции в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 54–63.
19. Шляпников В.Н., Авдеева О.В. Особенности проявлений волевой регуляции у коми-зырян и русских // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. №. 2. С. 121–129.
20. Baumann N., Kaz n M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
21. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update // Advances in Experimental Social Psychology. 2016. Vol. 54. P. 67–127.
22. Kiehl G. Model of Human Motivation. Lippincott Williams&Wilkins, 2002. 576 p.
23. Kuhl J. Who controls whom when "I control myself"? // Psychological Inquiry. 1996. Vol. 7 (1). P. 61–68.
24. Mischel W., Ayduk O., Berman M.G., Casey B.J., Gotlib I.H., Jonides J., Kross E., Teslovich T., Wilson N.L., Zayas V., Shoda Y. Willpower over the life span: decomposing self-regulation // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2011. Vol. 6 (2). P. 252–256.



# FEATURES OF VOLITIONAL REGULATION AMONG REPRESENTATIVES OF DIFFERENT ETHNOCULTURAL GROUPS

IVANNIKOV V.A.\*, *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,*  
e-mail: vaiv@mail.ru

SHLYAPNIKOV V.N.\*\*, *Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,*  
e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

The results of a cross-cultural study of volitional regulation in representatives of 11 ethno-cultural groups living in the territory of the Russian Federation and the former USSR are presented. The representatives of the Armenian, Bashkir, Byelorussian, Jewish, Mari, Ossetian, Russian, Tajik, Tatar, Ukrainian peoples, as well as the Komi people were compared. The samples were balanced by gender, age and other socio-demographic characteristics. In total, 1156 people took part in the study. To diagnose the individual characteristics of volitional regulation of the respondents, the following methods were used: "Action-control scale" by Yu. Kuhl, "Questionnaire for revealing the expression of self-control in the emotional sphere, activity and behavior", self-evaluation of volitional qualities. The presence of significant differences between the groups for all measured parameters was shown ( $p < 0.001$ ). The obtained results confirm the hypothesis about the presence of cross-cultural differences in the parameters of volitional regulation and confirm the ideas of the volition as a higher mental function.

**Keywords:** volition, will, volitional regulation, self-control, self-regulation, volitional qualities, cross-cultural approach, ethnops.

---

## Funding

This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (project №18-013-01108).

## References

1. Asmolov A.G. *Psixologiya lichnosti: principy` obshhepsixologicheskogo analiza [Personality Psychology: Principles of General Psychological Analysis]*. Moscow, Smysl Publ., 2001. 414 p. (In Russian).
2. Batyrshina A.R., Mazilov V.A. Naukometricheskii podkhod k issledovaniyu problemy voli v otechestvennoi psikhologii [Scientometric Method in Studying the Problem of Volition and Volitional Regulation in Russian Psychology History]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 2016, no. 5, pp. 193–204. (In Russian; abstract in English).
3. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. *Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition*. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
4. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2016, vol. 54, pp. 67–127.
5. Bozhovich L.I. Razvitie voli v ontogeneze [The development volition in ontogenesis]. *Problemy formirovaniya lichnosti [Problems of Personality Development]*. Moscow, MPSI Publ., Voronezh, NPO "MODEK" Publ., 2001. pp. 302–332. (In Russian).

## For citation:

Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Features of volitional regulation among representatives of different ethnocultural groups. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology (Russia)*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 70–84. doi:10.17759/exppsy.2019120106

\* *Ivannikov Vyachslav Andreevich*, Doctor in Psychology, Professor, Chair of Personality Psychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: vaiv@mail.ru

\*\* *Shlyapnikov Vladimir Nikolayevich*, PhD in Psychology, Head of Personality and Individual Differences Department, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia. E-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com



6. Fromm E. *For the Love of Life*. New York, Free Press, 1986. 186 p. (Russ ed.: Fromm E. *Radi lyubvi k zhizni*. Moscow, AST, 2000. 400 p.).
7. Heckhausen, H. *Motivation and action*. New York, Springer-Verlag Publishing, 1991. 504 p. (Russ ed.: Xekxaufen X. *Motivaciya i deyatel'nost'*. Moscow, Smysl, 2003. 860p.).
8. Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N. Eidman E.V. Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The role of the notion of will in contemporary psychology]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii]*, 2014, no. 2, pp. 15–23. (In Russian; abstract in English).
9. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Volya kak produkt obshchestvenno-istoricheskogo razvitiya chelovechestva [Volition as a result of social-historical development of humanity]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 2012, vol. 33, no. 3, pp. 111–121. (In Russian; abstract in English).
10. Ivannikov V.A., Eidman E.V. Struktura volevykh kachestv po dannym samoottenki [Structure of volitional qualities according to self-assessment data]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 1990, vol. 11, no. 3, pp. 39–49. (In Russian).
11. Il'in E.P. *Psikhologiya voli. [The Psychology of Volition]*. Saint-Peterburg, Piter Publ., 2000. 288 p. (In Russian).
12. Kielhofner G. *Model of Human Motivation*. Lippincott Williams&Wilkins, 2002. 576 p.
13. Kry's'ko V.G. *Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic Psychology]*. 4-e izd. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 320 p. (In Russian).
14. Kuhl J. Who controls whom when “I control myself”? *Psychological Inquiry*, 1996, vol. 7 (1). pp. 61–68.
15. Leont'ev A.N. *Lektsii po obshchei psikhologii [Lectures on General Psychology]*. Moscow, Smysl Publ., 2000. 511 p. (In Russian).
16. Matsumoto D.R. *Culture and psychology*. Pacific Grove, Brooks/Cole Pub. Co., 1996. 350 p. (Russ ed.: *Psikhologiya i kul'tura*. Pod red. D. Matsumoto. Saint-Peterburg, Piter Publ., 2003. 718 p.).
17. Mischel W., Ayduk O., Berman M.G., Casey B.J., Gotlib I.H., Jonides J., Kross E., Teslovich T., Wilson N.L., Zayas V., Shoda Y. Willpower over the life span: decomposing self-regulation. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2011, vol. 6 (2). pp. 252–256.
18. Shapkin S.A. *Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov [Experimental study of volitional processes]*. Moscow, Smysl Publ., 1997. 140 p. (In Russian).
19. Shlyapnikov V.N. Issledovaniya volevoi regulyatsii v sovremennoi zarubezhnoi psikhologii [Studies of voluntary regulation in contemporary psychology]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii]*, 2009, no. 2, pp. 54–63. (In Russian; abstract in English).
20. Shlyapnikov V.N. Volevaya sfera lichnosti v processe adaptatsii k inokul'turnoj srede [The volition sphere of the personality in the process of adaptation to the multicultural environment]. *Prakticheskaya etnopsixologiya: aktual'ny'e problemy i perspektivy razvitiya. Sbornik tezisov nauchno-prakticheskoy konferentsii 16–17.03.2007 [Practical ethnopsychology: actual problems and development prospects. Collection of theses of the scientific-practical conference March 16–17, 2007]*. Pod red. Xuxlaev O.E., Russita T.E. Moscow, 2007, pp. 28. (In Russian).
21. Shlyapnikov V.N., Avdeeva O.V. Osobennosti proyavlenij volevoj reguljatsii u komi-zyrjan i russkikh [features of volitional regulation of komi-zyryans and russians]. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology (in Russia)]*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 121–129. (In Russian; abstract in English).
22. Tmenov V.X., Bepalova E.B., Gonobolev E.N. *Religiozny'e vozzreniya osetin (istoriya religii – v istorii naroda) [Religious views of the Ossetians (the history of religion – in the history of the people)]*. Vladikavkaz, 2000. 503 p. (In Russian).
23. Vygotskii L.S. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The History of High Mental Functions Development]. *Psikhologiya [Psychology]*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2000. pp. 512–755. (In Russian).
24. *World Scripture: A Comparative Anthology of Sacred Texts*. New York, Paragon House, 1991. 882 p. (Russ ed.: *Vsemirnoe pisanie: sravnitel'naya antologiya svyashhennykh tekstov*. Pod obshh. red. prof. P.S. Gurevicha. Moscow, Respublika, 1995. 591 p.).